

О. Ф. Жолобов

К ПРЕДЫСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СТРОЯ:
ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ¹

Имена числительные хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что возвращаются повторением немногих основных названий.

Ф. И. Буслаев

Число есть потенция вещи, рождающее смысловое лоно ее, закон ее осмысления, сила и орган оформления вещи.

А. Ф. Лосев

ТѢМЪ ЖЕ БРАТИКЪ МОА ДЪЛЖЬНИ КСМЫ КДИНО
БОЖЬСТВО ВЪ ТРЪХЪ СВОИСТВѢХЪ СЛАВИТИ
О(ТЬ)ЦА И С(Ы)НА И С(ВАТА)ГО Д(ОУ)ХА
СбТр XII/XIII, 26а

Числовая символика включается в состав непрменных и первостепенных форм художественного мышления в русской культурной традиции. Нумерологические штудии в Древней Руси являлись формой символического богословствования. Древнерусские книжники обнаруживают владение сложной и тонко разработанной гаммой символично-числовых представлений². Существенная роль здесь принадлежала нумероформам – текстовым конструкциям или блокам, строение которых определялось зависимостью от того или иного числового символа. Так, у Кирилла Туровского – выдающегося религиозного писателя XII в. – одним из ведущих композиционных приемов являются словесно-текстовые триады. См. пример текстопостроения, характерный для его торжественных Слов (с обозначенным числовым членением):

ДАДИМ ПО СИЛѢ ТАКО ЖЕ МОЖЕМ:

1а: **ОВ**

1(1): **МИЛОСТЫНЮ**

2(1): **И БЕЗЛОВЬЕ**

3(1): **И ЛЮБОВЬ;**

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-04-0313а).

² См. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси. СПб., 2000. С. 282–285.

- 2а: дрѹгий –
 4(2): дѣвство чисто
 5(2): и вѣрѹ правѹ,
 6(2): и смѣрениѣ нелицемѣрно;
 3а: ин –
 7(3): псаломское пѣньѣ,
 8(3): апостолское оучение,
 9(3): молитва с въздыханиѣмъ к богѹ
 КТур XII сп. XIV, 415.

Девятичленный субстантивный ряд здесь имеет отчетливое триадическое членение: 3+3+3. Каждая триада вводится местоимением (ов, дрѹгий, ин), опосредованно оформляющим линию сакрального счета и дублирующим состав опорного числового ряда. Каждая триада имеет особое лексико-грамматическое воплощение: первую образуют три однородные субстантивные формы, являющиеся квазисинонимами; вторая триада образована тремя однородными адъективно-субстантивными синтагмами с постпозиционно-нечленными формами адъективов³; третью триаду образуют адъективно-субстантивные синтагмы с препозиционно-членными формами адъективов (этот ряд не до конца выдержан). Во вторую и третью триаду входят тематически родственные субстантивы.

Соотнесенность словесных рядов с числовыми символами, кроме прочего, обеспечивала членение лексического континуума, придавала словесным рядам смысловую очерченность и точность, выступая важным средством образования и развертывания лексических парадигм.

Изоощренная техника воплощения нумероформ отличает одно из древнейших оригинальных сочинений – «Сказание о Борисе и Глебе», созданное в конце XI в. и дошедшее в списке XII/XIII в. в составе Успенского сборника. Текст строится по формуле: 3+3+4. В приводящемся ниже фрагменте соблюден также принцип араичной поэтики – «магический квадрат»: текст начинается и завершается одним корнем (многомилостивѣи 777 милосѣрдию). См. (с обозначенным числовым членением):

- 1(1): Г(оспод)и боже мон многом(и)л(о)стивѣи
 2(1): и м(и)л(о)стивѣи
 3(1): и прѣм(и)л(о)стивѣ
 1(2): слава ти
 1(3): Яко съподобилъ ма кси оубѣжати отъ прельсти житиѣ сего
 льстьнааго.
 2(2): слава ти прещедрѣи живодавѣче.
 2(3): яко сподоби ма троуда с(ва)тѣиухъ м(оу)ч(ѣ)н(и)къ
 3(2): слава ти владѣико ч(ь)л(о)в(ѣ)колюбѣче.
 3(3): сподобивѣи ма съконьчати хотѣниѣ с(ь)рд(ь)ца мокого
 4(2): слава ти х(рист)ѣ многомоу ти м(и)л(о)с(ь)рдню
 СбУ XII/XIII, 12а.

На фоне троичного членения текста, заданного первой триадой, «4» должно быть истолковано как «3+1». Вообще число «4» – «число космической совокупности (что также символизируется “четырьмя животными” у Иез 1.5...; Откр 4.6). Оно обозначает все, что дает представление о полноте: 4 казни у Иез 14.21; 4 Заповеди блаженства у Лк 6.20 слл. (и 8 у Мф 5.1–10)»⁴. Поскольку «4» здесь предстает как «3+1», вышеназванное символическое значение совмещается с иным: четвертый компонент является генерализующим и указывает на триаду в плане единства-континуальности. Не означает ли это, что автор осмеливается осмысливать диалектику Троического

³ См. великолепный пример плеоназма в исходе триады: смѣрениѣ нелицемѣрно.

⁴ Словарь библейского богословия / Под ред. Ксавье Леон-Дюфура и Жана Люпласи, Августина Жоржа, Пьера Грело, Жана Гийе, Марка Франсуа Лакана. Киев – Москва, 1998. Стлб. 1257.

Единства через призму четверичной символики или стремится совместить его толкование с двумя природами Христа? Первая триада образована изысканным плеоназмом – словообразовательно-морфологическими вариациями прилагательного **МИЛОСТИВЪ** – одного из имен Бога. Плеоназм символизирует континуальность «3=1». В таком виде первая триада является словесной иконой, подражающей живописной иконе – «Ветхозаветной Троице» с ее тремя ангелами – тремя существами, обладающими единой природой⁵. Сходным образом оформлена третья триада, в которой варьируются формы глагола **СЪПОДОБИТИ** – перфект, аорист и действительное причастие прошедшего времени. Четырехкратное **СЛАВА ТИ** в «Сказании» выражает духовную антитезу языческому жизненному идеалу, который лаконично и выразительно описан во фрагменте, словесным стержнем которого является формула **СЛАВА МИРА СЕГО** (см. СбУ XII/XIII, 9г–10а)⁶. Отвержение **СЛАВЫ МИРА СЕГО**, как и антитетическое **СЛАВА ТИ**, в «Сказании» соотнесено с символической схемой «4(3+1)+3+3», так что число «4» является важной частью композиционной доминанты текста. Однако в этом случае части нумерической формулы отстоят друг от друга: если первая триада завершается на листе 10а, то продолжение «...+1+3+3» размещено в рукописи на листе 12в. Третью триаду образует плеоназм, паронимически сближенный со словом **МИРЪ** из формулы **СЛАВА МИРА СЕГО**, а сама триада выражает новую духовную антитезу языческому жизненному идеалу: **КЪТО НЕ ПОЧЮДИТЬ СЯ ВЕЛИКОУОУМОУ СЪМЕРЕНИЮ • КЪТО ЛИ НЕ СЪМЪРИТЬ СЯ ОНОГО СЪМЪРЕНИЕ ВИДА И СЛЫША СбУ XII/XIII, 12в**⁷. Нумероформа «3+1» сопровождается нумерологией «4» и составляет композиционный принцип в другом шедевре древнерусской литературы – «Жития Феодосия Печерского»⁸. Отсюда проистекает следующий вывод: внутренние смыслы в древнерусских литературных памятниках не лежат на поверхности, их постижение требует внимания, сосредоточенности, а иногда – экзегетической дешифровки.

В условиях высокой культуры нумерологических представлений вопрос о существовании числительных – словесных знаков элементов математического ряда – должен представляться риторическим. Однако в действительности на вопрос о том, существовали ли в древнерусском языке имена числительные, в последних своих попытках историческое языкознание давало лишь отрицательный ответ. Исходя из морфологического сходства числительных с именами существительными, прилагательными или местоимениями, исследователи отказывали им в самостоятельном частеречном статусе, полагая, что в период до XVII в. следует говорить не о числительных, а о числовых или счетных словах⁹. Это воззрение ранее всего было сформулировано

⁵ Современный богослов, отстаивая новое прочтение богословных смыслов иконы Святой Троицы преподобного Андрея Рублева, приходит к словесной формуле, содержащей троекратный корневой повтор. По мысли автора икона выражает следующее понимание Троицы: «Начало Единства (Единое), Смысл Единого, Единство (Единение)». (Протоиерей Игорь Цветков. Идеи исихазма в иконе Святой Троицы преподобного Андрея Рублева // Православный собеседник. Издание Казанской Духовной семинарии. № 1. 2000. С. 25).

⁶ Ср. с формулой индоевропейской поэтики «неувядаемая слава» (Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI: Новое в зарубежной индоевропейской поэтике. М., 1988. С. 451), а также с составом языческих княжеских имен *Вышеславъ, Изяславъ, Мъстиславъ, Святославъ, Ярославъ*, с другой стороны – *Володимѣръ~Володимиръ*.

⁷ См. Жолобов О. Ф. Древнерусское текстообразование: текст – символизация имени // История русского языка. Стилистика. Текст. Казань, 1992. С. 5–6; Жолобов О. Ф. О числовых символах в древнерусском текстообразовании // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts / Beiträge zur Slavistik. Bd. 33. Frankfurt am Main usw., 1997. С. 188–189.

⁸ См. Жолобов О. Ф. Композиция текста и грамматическая реконструкция // Язык и текст / Проблемы исторического языкознания. Вып. 5. СПб., 1998. С. 35 и сл.

⁹ См.: Багрянский И. М. Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. АКД. М., 1960. С. 4; Дровникова Л. Н. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985. С. 4; Еленски Й. Параллелизм в развитии количественных сочетаний в славянских языках // Славянская филология. Том XV: Езикознание. София, 1978. С. 81; Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969. С. 5; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. С. 258–259; Kiparski V. Russische historische Grammatik. Bd. II: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967. S. 173.

в книге Ю. Шереха (Шевелева), который пришел к выводу, что в славянских языках вплоть до нового времени числовые слова не образовывали единой системы, отличаясь морфологической неоднородностью и пестротой синтаксических связей¹⁰. В таком подходе не может устроить исторический редукционизм, так как «счетные слова» вовсе не являются древнеславянским приобретением, а составляют один из древнейших корнесловов праиндоевропейской эпохи.

Уже в рамках традиционного частеречного учения с его триадой флексионных форм, синтаксической функции и семантической общности древнеславянские числительные могут быть выделены в самостоятельный класс слов, если только не брать за скобки какое-нибудь из трех оснований классической теории. Вместе с тем в соответствии с новыми теоретическими представлениями обособленность числительных как частеречного класса задается их парадигматическими и синтагматическими свойствами, среди которых наиболее яркой особенностью является строгая упорядоченность и иерархичность семантической организации¹¹. Типологические материалы свидетельствуют о том, что у числительных обнаруживается большое разнообразие морфосинтаксических параметров, которые, имея зачастую именной генезис, носят служебный характер и не затрагивают функционально-семантической природы числительных¹².

О числительных как целостной системе в праславянском языке говорит сложившийся ограниченный инвентарь лексических единиц. Не менее определенно о системном характере числительных свидетельствует необычная устойчивость словарного состава: все числительные являются непосредственным продолжением индоевропейских лексем¹³. Древнеславянские гиперонимы числовых обозначений также имеют индоевропейский источник: праслав. **čislo*, **čisme*; др.-инд. *kātas* 'мысль, умысел, желание'; авест. *čikiθwā* 'мудрый'; лит. *skaityti* 'читать, считать'¹⁴. Нет оснований предполагать, что в праславянском не было числительных как обособленного класса слов, если они унаследовали систему числовых обозначений, которая сложилась еще в праиндоевропейскую эпоху. Особо следует подчеркнуть, что в индоевропейских языках в целом нет иного такого класса слов, включая обозначения семейных отношений, который бы столь же полно и отчетливо сохранил исходный корнеслов, как имена числительные¹⁵. На системный характер числительных в праславянском указывает неизвестный другим классам слов тип отношений — прочная связь количественного и порядкового разрядов, которая также сложилась еще в индоевропейскую эпоху. Системный характер числительных как части речи доказывается отчетливой генетической зависимостью праславянских морфосинтаксических инноваций от индоевропейского источника.

¹⁰ Šerech Ju. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952. С. 39–40.

¹¹ «It is found in the presence of full ordering among the numeral meanings, which is not to such an extent found in the remaining parts of language» (Gvozdanović Ja. Remarks on numeral systems // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 5–6).

¹² См., например: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1978. Ср., в частности, следующее замечание: «Тем самым даже в гяляцком языке с его инкорпорирующим построением членов предложения числительные оказываются обладателями таких свойств, которыми другие имена не отличаются» (Там же. С. 265).

¹³ Сложности в установлении исходных корней единичны. Так, не вполне очевидна этимология славянского **vtorъ*: здесь предполагается ступень редукции сравнительно с лит. *añtras*, *añtaras* 'второй, другой', др.-инд. *ántaras* 'другой' (см. Smoczyński W. Studia bałto-słowiańskie. Część I. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1989. S. 61–62), хотя нет веских доказательств существования здесь в индоевропейском нулевой ступени **nteros* (см. Comrie B. Balto-Slavonic // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 735), поэтому может быть более вероятной связь с другим индоевропейским корнем (ср. скр. *vitarah* 'следующий'). Высказывается также предположение о развитии индоевропейского **mi-* 'два' (см. Aitzetmüller R. Albulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978. S. 141). Сложности вызывает праслав. **soto* вместо ожидавшегося **seto* при исходном и.-е. **k'mto(m)*.

¹⁴ См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987. С. 375. Kopečný F. Základní všeslovenská slovní zásoba. Praha, 1981. S. 82. Когда у славян в постпраславянскую эпоху распространилась письменность, вместе с нею была обретаена и буквенная цифирь, которая фиксирует частеречную обособленность числовых слов. Однако значения древнеславянского **čeitteŕ* > **čisti* 'читать, считать' могут свидетельствовать о появлении цифровых знаков ранее распространения письменности.

¹⁵ Winter W. Some thoughts about Indo-European numerals // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 11.

После исследования О. Семереньи трудно сомневаться в том, что числительные как часть речи сложились в индоевропейском, а числительные в праславянском представляют систему форм, которая наследует прежнее состояние и преобразуется в соответствии с их морфосинтаксической природой¹⁶. Порядковые числительные образовались в индоевропейском в результате тематизации типа **dekmt* > **dekmtos* (в том числе квазисуффиксальной, которая сформировалась в ходе переразложения в паре **dekmt* – *dekmtos*, где первая основа – «preconsonantal sandhi-variant of **dekmt*»¹⁷. Ранние балтийские и славянские формы количественных и порядковых числительных типа **septin* – **septmos* получили разное продолжение. У балтов возникли регулярные формы порядковых числительных типа *septintas*, а у славян развитие прошло через цепь генерализующих трансформаций, в основе которых лежало взаимовлияние количественных и порядковых числительных. Как и в балтийском, в славянском инновации были вызваны образовавшимися в постиндоевропейскую эпоху нерегулярными отношениями между количественными и порядковыми числительными и необходимостью восстановления данной корреляции форм¹⁸ – т. е. **внутричлестеречными факторами**.

Первичным образцом для всех последующих изменений стала пара «семь – седьмой»¹⁹. В соответствии с индоевропейской парой **septm* – **septm̥os* сложилась праславянская параллель **setb* – **setm̥* (> **sedm̥*), которая была трансформирована в пару **sedm̥* – **sedm̥* в результате основно-флексионной контаминации количественного и порядкового числительного. Эта пара стала образцом для развития соседней пары **osta* – **ostov̥* > **ostm̥* (> **osm̥*) – **ostm̥* (> **osm̥*), а затем и пар **peče* – *peč̥* > **peč̥* – *peč̥*, **še* – **šest̥* > **šest̥* – **šest̥*, различающихся лишь качеством флективного гласного и типом именного склонения. По образцу пар **des̥* – **des̥et̥*, **peč̥* – **peč̥* образовалась параллель **dev̥et̥* – **dev̥et̥*, а затем **des̥et̥* – *des̥et̥*, однако с сохранением исходного консонантного склонения числительным **des̥et̥* (**des̥et̥*).

Итак, вопреки установившейся точке зрения числительные на *-(t)ь* генетически вовсе не связаны с индоевропейскими производными на *-ti* (*nomina collectiva-abstracta*). Становится наконец понятным тот трудно объяснимый факт, что числительные **sedm̥*, **osm̥*, **des̥et̥* находятся вне рамок предполагавшейся *ti*-суффиксации. Согласно О. Семереньи, традиционное представление о связи славянских форм с индоевропейскими собирательными именами на **-t* и **-ti* основывается лишь на единичных примерах (скр. *daśāt-*, греч. *δεκάδ-* и скр. *panktiḥ* – с необъяснимым расхождением формативов для «10» и «5»), которые не могут рассматриваться в качестве деривационных образцов в индоевропейском. Как числительное санскритская словоформа не имеет соответствий в родственных языках. Она содержит вторичное **-ti* и восходит к и.-е. **penk^wsti-* ‘кулак, (группа из) пяти’, которое получило продолжение в славянском **peč̥et̥* (а вовсе не **peč̥et̥*), нем. *Faust*, англ. *fist* < **funhsti-*, лит. *kūmštis* ‘кулак’ < **punkstis*.

Таким образом, морфологическая модификация числительных состояла в **восстановлении регулярных морфологических и мотивационных отношений количественных и порядковых**

¹⁶ Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. Heidelberg, 1960. P. 109–113 и др. Результаты тщательного исследования О. Семереньи приняты Б. Комри в кратком описании числительных у балтов и славян, которое включено в новое монографическое исследование индоевропейских числительных (см. Comrie B. Balto-Slavonic // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992.).

¹⁷ Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. P. 68.

¹⁸ Прочная связь количественных и порядковых числительных в древнеславянском может быть проиллюстрирована многими текстуальными примерами. См., например: раздѣлати же таковоє слоужение • творащимъ на три чинъ • и парьзын наричатн игоуменоу • въторъин же икономоу • третин же коутъникоу УСт XII, 239 об.; Члѣкъ итѣкъин • имѣаше • ꙗко дроуѣтъ двою любаше • и члѣаше • а на третѣемъ велми неврѣженне • имаше Пр 1383, 40г; се соутъ вєрази лоуныни четъзире • а • ꙗко же новое глѣють • мѣсачьнын наричють • б • ꙗко перекрон • ꙗко • шбошамо горбаво • а • ꙗко свѣтло КН 1280, 566а–б.

¹⁹ Это весьма симптоматично, так как число «7» – одна из краевольных величин в славянской мифологии (см. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1997. С. 452).

числительных. Поэтому переход типа **pęce > *pęťь, *še > *šestь* не имел никаких семантических последствий: количественные числительные в нем были и оставались количественными числительными.

Числительное **dekmt* в праиндоевропейском характеризовалось амбивалентностью: оно выступало то как неизменяемый адъектив, то как флексивное имя и в этом случае управляло другим именем в генитиве, поэтому в некоторых индоевропейских языках на месте одного исходного слова обнаруживается неизменяемое числительное и склоняемое собирательное имя²⁰. В праславянском новые числительные (от «5» до «9») могли получить только склонение на **-ь*, а употребление их как имен проявилось в синтаксисе – в генитивном управлении, что было поддержано аналогичным использованием числительного «10», существовавшим в индоевропейскую эпоху.

Описанное выше взаимовлияние однокоренных форм в столь значительных масштабах другим классам слов было неизвестно. Оно обусловлено **внутричастеречными факторами** – той необычной теснотой синтаксического и текстового ряда, в котором реализовывались счетная или количественная функции числительных. В самом деле, лексическая парадигма числительных представляет собой своего рода текст со строгим порядком следования составляющих, так что парадигматические и синтагматические отношения здесь совпадают: **edinь, *dьva, *trьje, *četyre, *pęťь, *šestь, *sedmь, 'n+1'; *pьrvь, *vьtorь, *tretьjь, *četvьrtь, *pęťь, *šestь, *sedmь, 'n+1'; *četyre – *pęťь, *pęťь – *šestь, *šestь – *sedmь* и т. д. Существует особый жанр счета-перечисления, в котором числительные составляют опорные единицы и архаичность происхождения которого не вызывает сомнений. В некоторых типах текстов числительные получали магико-мистическую функцию, также становясь основными единицами текстопостроения²¹.

Числовой текст в праславянском обнаруживает попарное разбиение: ср. **pęťь-šestь, *sedmь-osmь, *devęťь(-)desęťь*. Особенно ярко попарное сближение числительных представлено числительным **devęťь*, которое стало отличаться от последующего слова лишь одним звуком, тогда как ожидаемая форма **nevь < *newŋ* (или **newŋ*) ничего общего с ним не имела. Такое же развитие представлено и в балтийском: лит. *devyni*, лтш. *deviņi* (в др.-прусск., однако, *newints* 'девятый'). Консонантная основа, которая могла здесь первоначально появиться под влиянием исконного **desę*, обнаруживается в *девясил* и *Девягорескь*²². Парная организация числового текста может быть соотносительна с оппозицией «чет-нечет» в балто-славянской мифологии²³.

По мере стабилизации числительных первого десятка должны были претерпеть трансформацию праславянские обозначения десятков, которые у славян к тому же утратили ясность второго компонента сложения: и.-е. **wiknti* «20» > праслав. **wisinti, penk' ēkont* «50» > **penčesь(n), *okt ōkont* «80» > **ostasь(n)* и под.²⁴ Индоевропейские сложения в праславянском были замещены более ясными составными числительными, которые сохранили логику индоевропейских праформ: **dьva desęti* «20», **pęťь desęťь* «50», **osmь desęťь* «80» и под.

²⁰ Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. P. 112.

²¹ Множество примеров рассмотрено в исследовании В. Н. Топорова (О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980).

²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 491–493.

²³ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1997. Том I. С. 153. Том II. С. 452. С этим, вероятно, имеет какую-то связь парное членение индоевропейского пантеона (см. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 64–66). Парное разбиение отчетливо представлено в считалках, текстовая структура которых может быть весьма архаичной. См., например: *Первой, другой – Изба с трубой, Три, четыре – Меня прицепили, Пять, шесть – Бьем шерсть, Семь, восемь – Сено возим, Девять, десять – Деньги весят, Одиннадцать, двенадцать – На улице бранятся. Бабы, мужики, Мальвы-озорники, Душка Матрешка Глядите в окошко: Здесь Семен – Он выйдет вон! МудрНар, 315. В отраженном виде парное членение счетного ряда представлено в звукописи рифмуемого с числительными словосочетания (ср.: *Семь, восемь – Сено возим*).*

²⁴ См. Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. P. 64.

Ю. Шерех подчеркивал, что древнеславянские языки зафиксировали то достаточно архаичное состояние, когда числовые слова не являлись абстрактными понятиями, а имели предметное значение²⁵. Этот взгляд чрезмерно архаизирует реальное положение и, по существу, отсылает ко времени возникновения числовых слов вообще, когда количественное и предметное значения были представлены синкретично. Между тем уже в праиндоевропейском ничего подобного нет. Мотивированность значения числительных отсутствует или в редких случаях выступает в затемненном виде, а в праславянском вовсе не прослеживается. Так, фундаментальное в индоевропейском десятичном счислении числительное **dekmt* 'десять', немотивированное в позднеиндоевропейском, обычно возводят к **de-kont-* 'две руки', хотя в формальном плане данная этимология не лишена сложностей. Вопросы вызывает огласовка **de-* 'два' без **-w-* (*-u-*), а также сам факт предпочтения числительного обычному двойственному числу (как в числительном **oktō(u)* 'восемь < обе группы из четырех (вытянутых) пальцев', которое является остатком четверичного счисления в индоевропейском)²⁶. Допустимо предположение, что употребление числового компонента **de-* 'два' могло быть вызвано именно контрастом со старой кватернарной системой счисления. Немотивированное числительное **penk^we*, наряду с количественным значением, ранее еще могло подразумевать конкретно-предметное значение 'кулак, рука', которое было воспринято дериватом **pŋk^wstis*, получившим продолжение в праславянском **peŋstь*.

По данным этнолингвистических наблюдений само человеческое тело стало прообразом и источником всех количественных и пространственных представлений²⁷. Парные части тела – «скрижали», на которых было записано наиболее простое количественное представление, самым очевидным образом сопряженное с пространственным представлением²⁸. Поэтому психологическая реальность числа первоначально выступает как наглядный пространственно-предметный образ. Именно обозначения парных частей тела человека и животных стоят у истоков количественного ряда. Они же стали источником образования и развития двойственного числа. Об этом свидетельствуют данные типологии: если употребление дв. ч. у существительных в каком-либо языке ограничено, то минимумом таких форм могут быть только парные существительные²⁹.

В. фон Гумбольдт, впервые обратившийся к языковой типологии, подчеркивал качественный аспект в семантике дв. ч., тогда как до него здесь констатировалась количественная семантика – значение ограниченного множества³⁰. Но истинное положение состоит в том, что парность, явившаяся источником дуалиса, – это количество, которое выступает как род качества. Это окачественное количество, потому что парные предметы, пребывая в количестве двух, являются качественным повторением друг друга и образуют единство совместным воплощением симметричной пространственной конфигурации. Интегральный количественный компонент в семантике парных

²⁵Šerech Ju. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952. S. 40. Ср. также: «Das Urslawische steht in seinem Verhältnis zur Zahl fast auf der Stufe einer sog. "primitiven" Sprache...». («Праславянский язык стоит в отношении к числу почти на ступени так называемых "примитивных" языков...»). Lohmann J. «Wort» und «Zahl» / Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 25. 1956. S. 157.

²⁶Winter W. Some thoughts about Indo-European numerals. S. 13, 17.

²⁷Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Erster Teil: Die Sprache. Darmstadt, 1956. S. 187.

²⁸Парная симметрия – ментальный архетип, предопределяющий закономерности производственной деятельности. Предметно-вещные творения человека, которыми он себя окружил, в ходе своего становления неизменно воплощают принцип парной симметрии как некий абсолюте. Они человекообразны, запечатлевая на себе образ и подобие человека – парносимметричность антропометрического пространства.

²⁹«If in any language some nouns are eligible for dual marking while others are not (or less readily), the criterion is whether or not they denote natural pairs» (Plank F. On Humboldt on the dual // Linguistic Categorisation. Amsterdam / Philadelphia, 1989. P. 309).

³⁰См. Humboldt W. von. Über den Dualis (1827) // W. von Humboldt. Werke. Bd. 3: Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt, 1963. S. 130–133.

обозначений способствовал трансформации парного числа в двойственное³¹. Вместе с тем отвлечение счетно-количественного значения в индоевропейском диктует образование синтаксически противопоставленных форм, которые Б. Дельбрюк обозначил терминами «Dual» и «Zweizahl». Последний термин здесь связывается со случаями семантически избыточного употребления в ведийском числительного *dvāu* в сочетаниях с субстантивным дуалисом. Появление подобных количественных конструкций всегда обусловлено особыми текстово-речевыми обстоятельствами – включенностью в контекстуальный счетно-количественный ряд, образуемый соположением с другими числительными³². Это означает, что «первоисходное» 2, давшее начало дуалису, насыщено пространственно-предметными смысловыми связями, которые были не настолько однозначны и прочны, чтобы не ослабевать и не утрачиваться всякий раз в составе количественной парадигмы³³.

В языковом умозрении числовые обозначения обеспечивают мерность и упорядоченность пространственно-количественного строя природной среды и предметного окружения, становясь образом мира. Разнообразие и переменчивость предметных связей тем не менее всегда возвращают к числу как исходной константе, лишенной собственных предметных свойств. Становится ясно, что числа суть матрицы или схемы, соразмерность с которыми предметных или событийных явлений создает иллюзию их тождества. Числительные суть свидетельства дискретности, членимости воспринимаемого мира, поэтому их семантика соотносительна с оценкой его структурных или качественных черт, а не предметных свойств. Таким образом, так называемые предметные значения числительных всегда опосредованы и не связаны с их морфологическим характером, который может быть различным, а обусловлены их функциональной нацеленностью на предметный мир, как в хозяйственно-бытовой, так и в отвлеченно-мыслительной сферах деятельности.

Числительные образуют упорядоченный ряд **морфосинтаксических групп – парадигму количественных конструкций**, реализующих однородную счетную или количественную функцию³⁴:

- (1) сингулярный количественный: **edinъ vozъ, *edina mġra; (1₂)³⁵ *edinъ na desête vozъ;*
- (2) дуальный количественный: **dъva voza, *dъv mġrġ; (2₂) *dъva na desête voza (vozъ); (2_{3,4})³⁶ *dъva desêti vozъ;*
- (3) малый количественный: **trъje, è'etyre vozi, *tri, è'etyri mġry; (3₂) *trъje na desête vozi (vozъ); (3_{3,4}) *è'etyre desête vozъ;*
- (4) большой количественный: **pêтъ vozъ, *pêтъ mġrġ; (4₂) *sestъ na desête vozъ; (4_{3,4}) *sedmъ desêтъ vozъ;*
- (5) половинный количественный: **polъ vġtora, polъ pêta voza, *polъ vġtory, polъ pêty mġry; (5_{3,4}) *polъ pêta desête vozъ³⁷;*
- (6) дистрибутивно-собирающий количественный: **dъvoji, troji, pêteri pġlc'i, *dъvojê, trojê, pêtery kġnigy.*

³¹ Значение парности не поглощалось собственно количественным представлением. Об этом свидетельствуют разные факты. Так, например, согласно В. Краузе, в тохарском А языке паралис («Paral») и дуалис («Dual») были морфологически разведены (Krause W. Tocharisch / Handbuch der Orientalistik. Bd. 4, Abschn. 3. Leiden, 1955. S. 15).

³² «Durch *dvāu* mit dem Dual wird die Zweizahl aus Zahlenreihe hervorgehoben» (Delbrück B. Altindische Syntax. Darmstadt, 1968. S. 99–100). Всегда семантически мотивировано также употребление слова *ubhāu*.

³³ «Только появление понятия 2 сделало возможным возникновение счета и арифметики. В языковом мышлении *два* является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и в индивидуально-психическом мире. Это положило начало особому двойственному числу, в отличие от единственного и множественного числа» (Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Том II. М., 1963. С. 315).

³⁴ См. Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. № 2. 2001. С. 102.

³⁵ (1₂) содержит индекс обозначения второго десятка.

³⁶ (2_{3,4}) содержит индекс обозначения десятков и сотен. В древнерусском для обозначения *двадцати* применялась также особая модель – *межю десатъма: и самъ же ѿ межю десатъма. стъхна. хоцеть вса мнѣти* КЕ XII, 2546 (СДРЯ I, 521).

³⁷ Т. е. сорок пять.

Отсюда, в древнерусском языке:

(1) Горькъ сътвори плачь и рыданіе. д(ь)нь ѿдинъ или дѣва Изб 1076, 153 об.; (1₂) възєми оу тѣмошє одиноу на десѣтѣхъ гривѣноу ГрБ № 78 (60–70-е г. XII в.);

(2) по два безмѣна УСт XII/XIII, 262; (2₂) Ѡвѣща ѿ(исоу)с(ъ) не два ли на десѣте часа кста въ д(ь)нѣ ЕВА 1092: Ин 11,9; (2_{3,4}) прѣжде дѣвоу десѣтоу лѣтъ КЕ XII, 836;

(3) триє вѣхомъ пастоує ПС XI–XII, 12; (3₂) възми оу господыни три на десѣте рѣзанѣ ГрБ № 84 (сер. 10-х – сер. 30-х г. XII в.); (3_{3,4}) х(рист)а четыри десѣты д(ь)нии вънесе на рѣкоу въ ц(ь)р:(ъ)вь ЧудН XII, 756;

(4) возєми десѣть гривно ногатами ГрБ № 227 (60–70-е г. XII в.); (4₂) живѣ въ домоу своємъ шєсть на десѣте лѣт СбУ XII/XIII, 288а; (4_{3,4}); ис того же лѣса потече Волга на востокъ. и вѣтєчєть семьюдєсѣтъ жєрєль в морє Хвалинское ЛЛ 1377, 3;

(5) възми оу доушилѣ оу ѡминица полѣцєтвєртѣхъ гр(и)в(ь)нѣхъ ГрБ № 381 (XII в.); (5_{3,4}) и осєньнєк полюдик даровьнок полѣтрєтнѣ десѣте гривнѣхъ с(в.ж.)т(о)моу же гєвргієви Гр 1130;

(6) Эслєрты числѣмъ вины сѣтъ СбТр XII/XIII, 158; (6₂) Вѣображєны оубо вѣша кнѣигы. десѣтерты и дѣвок КЕ XII, 245б.

Внутрипарадигматической динамикой обусловлено употребление переходных морфосинтаксических образцов: (2₂) < (4), (3₂) < (4), (4) < (3) и под. «Таким образом, в числительных синтаксис явно преобладает над морфологией»³⁸. Явственно эта особенность выступает в составных числительных, которые уже сами по себе являются синтаксическими единствами, обнаруживая частеречную автономность так называемых числовых слов. Грамматическая целостность квантитативных конструкций находит продолжение в морфосинтаксических группах с порядковыми числительными, имеющих количественно-определяющее значение. Составные числительные отражают логику образований, сложившихся в индоевропейскую эпоху³⁹. Уже в старославянском они тяготеют к композитному образованию, что обусловлено морфосинтаксическими обстоятельствами – их рядоположенностью с простыми числительными и повторяемостью второго компонента: **дѣванадєсѣте златицѣхъ** Супр 122¹⁰ (вместо **дѣвѣ на десѣте златици**). Когда сложились благоприятные фонетические обстоятельства, композитные числительные второго десятка, которые образовывали сплошной счетно-текстовый ряд, претерпели аффиксоидную трансформацию. См. наиболее ранние примеры: **(т)ринадєсѣ гривнѣхъ** ГрБ № 852 (сер. XII в.); **вза ксѣмє пятьнаца(тє во) [з] (о 482** (80–90-е г. XIII в.).

Когда говорят о предметном значении древнеславянских числительных, имеют в виду морфологический характер числительных от *пяти* до *десяти*, которым свойственно субстантивное склонение и грамматическое значение рода. Однако морфологический характер числительных означает лишь их морфологическую оформленность и не предопределяет их функционально-семантической природы. Например, числительное *duale tantum* **dъva* (**dъv*□) имеет родовое местоименное склонение, как и местоимение **oba* (**ob*□):

	И-ВП	Р-МП	Д-ТП
Мужской род	* <i>dъva</i> , * <i>oba</i>	-	-
Немужской род	* <i>dъv</i> □ * <i>ob</i> □	-	-
Общий род	-	* <i>dъvoju</i> , * <i>oboju</i>	* <i>dъv</i> □ <i>ma</i> , * <i>ob</i> □ <i>ma</i>

³⁸ Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 2: Грамматическое учение о слове. М., 1938. С. 120.

³⁹ Числительные второго десятка наследуют индоевропейские формы, а обозначения десятков, как уже отмечалось, являются балто-славянским новообразованием. В литовском составные числительные встречаются до сих пор.

Однако на этом заканчивается сходство числительного **d̥va* с местоимениями, и по своим функционально-семантическим особенностям оно местоимением признано быть не может. Особая архаичность числительного **d̥va*, находящегося у истоков счетно-количественного ряда, запечатлелась в том, что оно, в отличие от других числительных, имеет своего «двойника» среди местоимений – местоимение **oba*. Эта корреляция, выразившаяся, в частности, в образовании композита-двандва **obad̥va*⁴⁰, восходит к индоевропейской эпохе⁴¹. Местоимение **bhō* – это посредствующее звено между именем «первочисла» и его предметными прообразами, структура которых нашла отражение в семантике названного местоимения. Вместе с тем семантическое расхождение местоимения и числительного *dualia tantum* несомненно свидетельствует о собственном счетно-количественном значении числительного. В отличие от числительного, употребление местоимения в индоевропейском указывало на то, что каждый из обоих членов, единство которых обозначалось дуалисом, в равной мере относится к высказыванию⁴². Трудно согласиться с У. Ф. Леманом, который видел в индоевропейском **bhō* – «конкурирующий термин» для **dew*⁴³: вед. *ubhāu*, греч. *ἄμφω*, лат. *ambo*, гот. *bai*, ст.-сл. **оба** рядом с соответствующим числительным указывают на исходное функционально-семантическое расхождение⁴⁴.

Дейктическая, прономинальная функция слова **oba* ‘тот и другой’, ‘эти-два, все-два’ в древнеславянском проявляется отчетливо и без отступлений. Если выступает значение ‘тот и другой’, то обычно в тексте называются и составляющие единство части: **кого хотите отъ обоиъ отъпоуциж вамъ • бараввж ли • или ис(оу)са ЕвО 1056–57: Мф 27, 17⁴⁵; и тако обою животоу лихованъ възить • и съде не тькъмо княжения нъ и живота гонезе • и тамо не тькъмо ц(ѣса)р(ъ)ствниа н(е)б(е)с(ъ)нааго и еже съ ангелъи житиа погрѣши • нъ и моуцѣ и огню предасть сѧ СбУ XII/XIII, 16а (СкБГ XI) и др.** Как было установлено А. Беличем⁴⁶, древнеславянское **оба** употребляется не только при переводе греч. *ἀμφότεροι*, но и, что показательно, – *οἱ δύο*, тогда как *δύο* соответствует в переводах числительному **дъва** (см.: **вждете оба въ пльть единж Мар: Мк 19, 5 – καὶ ἔδοντα οἱ δύο εἰς σάρκα μίαν** и под.). Варьирование типа **дъвъ рибѣ** и **обѣ рибѣ**, как отмечал А. Вайан⁴⁷, в древнеславянском связано со значением определенности (см.: **они же гла(гола)ша. не имамъ съде. тькъмо ѣ хлѣвъ. и двѣ рибѣ. онъ же рече принесѣте сѣмо. и повелѣ народоу. възлеци по трѣвъ. и примъ ѣ хлѣвъ. и обѣ рибѣ и възрѣвъ на н(е)бо с(ва)ти Сав: Мф 14, 17–19**). Те же семантические признаки присутствуют в сочетании **оба на десате** (см.: **призва (исоу)съ оба на десате оученика своа ЕвА 1092: Лк 9, 1**).

О частеречной дифференциации слов *два* и *оба* свидетельствует расхождение в их морфологическом развитии. Если числительное *два* связано с унифицированием форм в дуальном и малом квантитативах после утраты дуалиса, то местоимение *оба* находилось вне рамок данного процесса, естественно совмещаясь с плюральными формами местоимения *обои*. Следы такой контаминации впервые фиксируются в период утраты двойственного числа: **стрѣлцемъ стр(ѣ)[ла]юци(м)са wobимъ межи собою • полкома ЛЛ 1377, 376**.

⁴⁰ Ср. в древнерусском: и изброста севѣ **обадва** сама, і възсхотѣста пріати искѣшеніе вѣрзи ЖСП к. XIV сп. XVI, 143.

⁴¹ См. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II: Morphologie. Première partie: Flexion nominale. Lyon; Paris, 1958. P. 622–623.

⁴² См. Delbrück V. Altindische Syntax. S. 99.

⁴³ Общепринятая реконструкция – **du̯ō*.

⁴⁴ Ср. Lehmann W. Ph. Residues in the Early Slavic Numeral System That Clarify the Development of the Indo-European System // General Linguistics. 31 (3–4). 1991. P. 135.

⁴⁵ Греческая параллель славянскому **обою** в этом чтении отсутствует.

⁴⁶ Белич А. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932. С. 23–29.

⁴⁷ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 189.

Столь же произвольна связь между частеречным значением и морфологическим характером наследующих индоевропейское употребление числительных **tr̥je* (**tri*), **èetyre* (**èetyri*). Эти слова обычно считают в древнеславянском прилагательными, хотя их узуальный статус дисгармонирует с адъективной частеречной семантикой. Синтаксически эти числительные действительно тождественны прилагательным, поскольку согласуются с существительными в роде и падеже. Однако они не имеют отдельной формы среднего рода, так что родовое противопоставление здесь принимает бинарный вид – мужской vs. немужской род, а выражено оно может быть только в номинативе. Кроме того, отношения с существительными по числу следовало бы считать координативными, потому что данные числительные – слова *pluralia tantum*. Их нельзя признать прилагательными, потому что они не имеют членных форм, образование которых у адъективов относится еще к балто-славянской эпохе. Морфологически эти слова противопоставлены древнеславянским прилагательным, нечленные формы которых связаны со склонением на **-a* и **-o*. *Plurale tantum* **tr̥je* (муж. род), **tri* (немуж. род) принадлежит к склонению на **-ь*, а *plurale tantum* **èetyre* (муж. род), **èetyri* (немуж. род) – к склонению на согласный: и се **внезапꙋ възъвѣхаша триє мꙋжи. на дворъ кѧ в бѣлахꙋ ризахꙋ** ЧтБГ к. XI сп. XIV, 49а; **се соꙋтъ шбрази лоꙋньнии четъыре** КН 1280, 566а; **оꙋ поꙋтешинене тьри коꙋне оꙋ безоꙋевее четъыри коꙋне** ГрБ (Ст. Р.) 22 (1 пол. XII в.); **да съхранить м. м(о)л(и)твами с(вѧ)тъхꙋ патриархꙋ. аврама. нсака. накова. трии отрокꙋ. и данила пр(о)р(о)ка** СбЯ XIII, 63 об.; **пятъи образъ болии четъырꙋ ксть** Изб 1076, 225; **тръженыа же тръми и четъырми лѣтъы многашъды отълоꙋчають** КЕ XII, 11а и др. Исходя из вышеизложенного, не следовало бы также считать, что частеречная семантика слов **pětъ*, **š estъ*, **sedmъ*, **osmъ*, **devê(tъ)*, **desê* непосредственно проистекает из их морфологической природы, которая исторически была уравнена с морфологическими свойствами субстантивов. Морфологический характер в этом случае обусловлен не частеречной принадлежностью названных слов, а исторически укоренившимся типом морфологической оформленности, который не препятствовал и не противоречил их функционально-семантической направленности. Напротив, некоторые ограничения в образовании морфологических форм обусловлены функционально-семантическими свойствами числительных. Так, числительные **pětъ*, **š estъ*, **sedmъ*, **osmъ*, **devê(tъ)* – это слова *singularia tantum* женского рода со склонением на **-ь*, а числительное **desê* не только морфологически отлично от них, будучи единственным именем *êt*-основ мужского рода, но и лишено морфологических ограничений на образование форм числа, так как является центральной единицей десятичного счисления, на которой основывается образование составных числительных⁴⁸. На мужской род числительного **дѣсѧтъ** указывают согласовательные формы: мужской род числительного **дѣва** в квантитативе (2_{3,4}), а также мужской род порядкового числительного **третья** в квантитативе (5_{3,4}): **дова дѣсѧтъ бърковьско** ГрБ № 630 (сер. 20-х – сер. 50-х г. XII в.); **поло трьтиа дѣсѧто гривньо** ГрБ № 61 (60–70-е г. XIII в.). Однако в составе квантитатива (4) данное числительное не отличается от числительного **дѣвѧтъ** и имеет ТП ед. ч.

⁴⁸ Хотя развитие десятичного счисления может показаться вполне реальным, поскольку индоевропейское «9» связано с корнем **newos* ‘новый’ и в рамках старого четверичного счисления начинало новый счетно-числовой ряд, славянское развитие данного числительного ведет к разрыву этимологических связей и поэтому сомнительно, чтобы русские фольклорные выражения вроде *в тридевятом царстве, за тридевять земель* являлись остатком десятичного счисления. Скорее всего они представляют собой варианты сакральной формулы, так как в упомянутые выражения, далекие от хозяйственно-бытовой сферы, входят ключевые единицы нумерологических спекуляций. Обращает на себя внимание тот факт, что в ней выступает *perfectus tri*, при том что *девѧтъ* – это трехкратное *три*. См. в связи с этим выразительный пример у И. И. Срезневского: **вѣрꙋють... въ вилы. нꙋ же числом г. ѿ сестрениць** Сл. Христ. Паис. сб. (Срезн. I, 651). В письменности на бересте эта же нумерическая формула представлена в заговоре-молитве, где автор стремится переработать языческий сакральный топос в христианском духе: **три дѣвѧ(т)о анеело три дѣвѧ ароханело избави рава жеа мнꙋхѧ трасавиче молитвами свѧтъыа богородичѧ** ГрБ № 715 (XIII в.).

женского рода: **хвалѣть десятию Язвѣ повѣдивъшааго егѸптѣ СбУ XII/XIII, 207г.** Подобная родовая диссоциация в рамках словоизменительной парадигмы одного слова неизвестна именам существительным. В данном случае она обусловлена внутривидовыми морфосинтаксическими факторами – воздействием на числительное **desê* числительных *singulāria tantum* **pêťь*,... **devêťь* и обобщением в квантитативе (4) единого деклинационного образца.

Частеречная природа числительных последовательно реализуется в парадигме **квантитативных конструкций**. Функционирование квантитативов как целостных грамматических единиц ведет к обобщению морфосинтаксических образцов. Прежде всего это находит выражение в распределении субстантивных компонентов квантитативов. Так, в квантитативах (2₂) и (3₂) существительные могут быть оформлены по образцу квантитатива (4): (2₂) **сѣдете и вы на двою на десятѣ прѣстола. соудѣще дѣвѣма на десѣте колѣнома из(ран)левома ЕвА 1092: Мф 10, 28 vs. (4) и приставить ми ваще. дѣвою на десѣте легеонѣ ан(г)лѣ ЕвА 1092: Мф 26, 53; (3₂) и съ нкю •ѣ ѣ • отроковицѣ СбУ XII/XIII, 68г vs. (4) да боудотѣ •ѣ ѣ • отроковицѣ въ слоужьбоу тебѣ СбУ XII/XIII, 68б.** В квантитативе (4) уже в древнейших памятниках проявляется обобщение субстантивных компонентов по типу квантитатива (3): **о девѣти правѣдникѣ Зодр: Лк 15, 7 vs. (3) о девѣти десѣтъ и девѣти правѣдницѣхъ Мар: Лк 15, 7** и под.⁴⁹ Последний пример доказывает, что форма существительного определяется не пресловутым субстантивным статусом числовых слов, а включенностью в квантитативные конструкции, смысловым центром которых являются числительные. Сам РП мн. ч. существительных в сочетаниях типа **пѣть хлѣбѣ** не столь легко объясним, как может показаться. Так, родительный приименной здесь никогда не чередуется с дательным приименным или адъективным определением, которые у славян обычно предпочитались приименному дополнению в родительном⁵⁰. Если **пѣть** – существительное, то почему нельзя было сказать **хлѣбѣнаѣ пѣть** – как **сжпржѣ воловьинѣ**? РП мн. ч. существительных в составе квантитативных конструкций, вероятно всего, несет печать функциональной специализации как *genitivus adnumerativus*.

В своих основных счетной и количественной функциях числительные лишь соприкасаются с семантикой предметности, так как механизмы счисления прежде всего нацелены на предметный мир. В хозяйственно-бытовых документах квантитативные конструкции, где реализуются эти функции числительных, являются частотными строевыми единицами. Ср.: **Ѡ дѣака и Ѡ илькѣ се постѣлаховѣ лоукѣнѣ •ѣ • (=6) на •ѣ • (=10) а масла •г • (=3) молоствѣ а середѣ •в • (=2) свинѣ хрѣвѣта •в • (=2) а •г • (=3) заяцѣ и тетеревѣ • и кѣльбасоу а коня •в • (=2) и сторова ГрБ № 842 (2 четв. XII в.)⁵¹.** В подобного рода текстах числительные всякий раз обозначают арифметические величины, которые, однако, наделены грамматически выражаемой уровневой дифференциацией: *два коня* – иной уровень, нежели *три*, а *три* – иной, нежели *пять*.

Утрата дуалиса, ранее других славянских языков завершившаяся в древнерусском языке, была длительным процессом, в котором текстам приведенного выше типа, казалось бы, должна была принадлежать ведущая роль. В действительности связанное дв. ч. счетных документов никак не соотносилось с началом утраты дуалиса, являлось наиболее устойчивой его разновидностью и было утрачено в последнюю очередь лишь в середине XIV в.⁵² Это обусловлено

⁴⁹ В древнерусской письменности изредка встречаются противоположные замены – в квантитативе (3) по образцу квантитатива (4): **и посла три вокводѣ съ своими вон. ноустиана. и оурса. и ѣвпилишна ЧудН XII, 66а; и гави славѣ свою. четѣтymi десѣтъ днии Пр 1383, 24а.**

⁵⁰ См. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 374–375.

⁵¹ Цит. по: Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. № 4. 1999.

⁵² См. Жолобов О. Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997. С. 95.

тем, что связанное дв. ч. являлось компонентом парадигмы квантитативных конструкций. При разборе истории квантитатива с числительным *два* открывается новый неожиданный факт в неповторимом калейдоскопе образов русской ментальности: дуальный квантитатив просуществовал в русской разговорной речи настолько долго (вплоть до XVII в.), что отголоски его в идиолектной речи были отчетливо слышны еще в XVIII в.⁵³ Таким образом, весь этот период типичным оставалось следующее распределение количественных форм: **А дати ми Фегносту два рубли ... Дати ми Костену бра(т) четырь рубли ... Парфенью да(л) три рубли, досталь земново серебра, Фегнасту заплати(л) и гүмно(в) с(ы)ну два рубли** ГрДух 1392–1427.

Внешним знаком образования частеречного разряда числительных принято считать появление морфологических инноваций. Это мнение ошибочно. Разбор исторического материала показал, что все наиболее ранние новообразования в склонении числительных первого круга встретились в одной западнорусской грамоте 1388 г.: *двумъ хрестьяномъ; трема хрестьяны, а трема жиды добрыми* ГрЮЗ № 45. Форма ДП *двумъ* указывает на обобщение дуальной косвенно-падежной основы и одновременно на обобщение флективного показателя малых числительных *тремъ, четверемъ*. Обобщение *-мъ* способствовало распаду синкретизма Д–ТП. Устойчивость формы ТП *двэма*, напротив, вызвала обобщение в ТП малых числительных бывшего дуального показателя *-ма*⁵⁴. Несколько позднее форма *трема* встретилась в книжном употреблении: **но двѣма или трема премноее число сказавъ** ЖВИ XIV–XV, 51г.⁵⁵ Под влиянием РП *двою* возникла форма *трею*: **въ оустѣхъ двою послуху. или трею** АпТ XIV, 2 Кор. 13, 1; **изъ змию трею локоть** ЖВН XIV–XV, 976. Неслучаен тот факт, что в это же время появилась новая форма РП *трехъ* (вместо исконной *трии*), совпадение которой с формой МП обнаруживает структурную тождественность отношениям синкретизма РП и МП местоименного склонения в дуалисе (*дѣвою* или *дѣвою*). Ср: **Г. хъ совѣствъ** ГБ к. XIV, 191в; **до трехъ д(е)нъ** СбПаис н. XV, 165 об. Все эти морфологические поновления вовсе не отражают частеречной метаморфозы соответствующих лексем, которые были и оставались именами числительными. Инновации обусловлены совсем другими причинами, и их появление становится возможным лишь после утраты связанного дв. ч. Изменения в declinácii малых числительных могут быть объяснены исключительно внутривчастеречной динамикой числительных – развитием нового малого квантитатива, складывающегося в результате обобщающего взаимодействия двойственного и древнего малого квантитативов. Морфосинтаксическая обособленность числительных первого круга в славянских языках является глубоко архаичной и в коренных своих основаниях восходит к индоевропейскому четверичному счислению, которое предшествовало у индоевропейцев счислению десятичному⁵⁶.

Морфологическая оформленность древнеславянских числительных гарантировала их от полной десемантизации. Числительные, обозначая числа, вместе с тем являлись символами идеальных сущностей, которые безразличны к количеству, «в то время как количество только одна из форм функционирования числа в материи»⁵⁷.

⁵³ См. Žlobov O. Über Ergebnisse und Perspektiven der historischen Beschreibung des slavischen Duals. I // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 42(1). 1997. S. 36. Жолобов О. Ф. История двойственного числа и квантитативных конструкций в русском языке. АДД. М., 1998. С. 28–30.

⁵⁴ Ср. с обычным употреблением, которое отличается от исходного обобщением флективного показателя номинатива: *со трими. присѣлки* ГрЮЗ № 64 (1394 г.). Числовое слово *два* в этой же поздней грамоте в ТП имеет исходную форму: *двэма копы*.

⁵⁵ В XV в. появляется форма творительного падежа *трема* (= *трети* + *трема*).

⁵⁶ См. Winter W. Some thoughts about Indo-European numerals. P. 13.

⁵⁷ Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 782.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

АпГ к. XIV — Толстовский Апостол // Древнеславянский Апостол. Вып. 3, 4, 5: Послания св. апостола Павла к Коринфянам 2-е, к Галатам и к Ефесянам по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями из пятидесяти шести рукописей Апостола XII—XVI вв. / Труд Г. Воскресенского. Сергиев Посад, 1908.

ГБ к. XIV — 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. Рукопись ГИМ, Син. 954 (по фотокопии).

Гр 1130 — Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г. // Хрестоматия по истории русского языка / Авторы-составители В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990.

ГрБ — Новгородские берестяные грамоты (+ номер грамоты) — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

ГрДух 1392—1427 — Духовная грамота Патрикея Строева, 1392—1427 гг. / Акты социально-экономического развития Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Том I. М., 1952.

ГрЮЗ (+ номер грамоты) — Грамоты XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і словн.-покаж. М. М. Пецак. Київ, 1974.

ЕвА 1092 — Архангельское Евангелие 1092 г. М., 1912.

ЕвО 1056—57 — Остромирово Евангелие 1056—57 г. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843.

ЖВИ XIV—XV — Житие Варлаама и Иоасафа. Рукопись РНБ, Соф. 1365 (по фотокопии).

ЖВН XIV—XV — Житие св. Василия Нового, по стишному Прологу Чудова монастыря, XIV—XV вв. // Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. II: Тексты жития. Одесса, 1911.

ЖСП к. XIV сп. XVI — Повесть о Стефане, епископе Пермском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым. СПб., 1862.

ЖФСт XII — Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подготовили В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольщенко. М., 1977.

Зоґр — Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edit V. Jagic. Graz, 1954. (Unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe).

Изб 1076 — Изборник 1076 г. М., 1965.

КЕ XII — Кормчая Ефремовская, XII в. Рукопись ГИМ, Син. № 227 (по КСДР).

КН 1280 — Кормчая Новгородская, 1280 г. и сер. XIV в. Рукопись ГИМ, Син., № 132 (по КСДР).

КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.). Хранится в Институте русского языка РАН (Москва).

КТур XII сп. XIV — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XIII. М.—Л., 1957.

ЛЛ 1377 — Лаврентьевская летопись 1377 г. / Полное собрание русских летописей. Том первый. М., 1962.

Мар — Мариинское Четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. Graz, 1960. (Фототипическое издание книги 1883 г.).

МудрНар — Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I: Младенчество. Детство. М., 1991.

Пр 1383 — Пролог мартовской половины, 1383 г. Рукопись РГАДА. Ф. 381, № 172 (Тип., № 367) (по КСДР).

ПС XI—XII — Синайский патерик. М., 1967.

Сав — Саввина книга. Труд В. Щепкина / Памятники старославянского языка. Том I. Вып. 2-й. СПб., 1903.

СбПаис н. XV — Паисиевский сборник. Рукопись РНБ, К-Б 4/1081 (по КСДР).

СбТр XII/XIII — Сборник слов и поучений конца XII — начала XIII в. Рукопись РГБ, Тр.-Серг., № 12 (по КСДР).

СбУ XII/XIII — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

СбЯ XIII — Сборник молитв, вторая половина XIII в. Рукопись Ярославского областного краеведческого музея, № 15481 (по КСДР).

СДРЯ I—IV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Том I—IV. М., 1988—1991.

СкБГ XI — Сказание о Борисе и Глебе конца XI в. (по Успенскому сборнику XII—XIII вв.).

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Том I—III. СПб., 1893—1903.

Супр — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова / Памятники старославянского языка. Том II. Вып. 1-й. СПб., 1904.

УСт XII/XIII — Устав студийский церковный и монастырский, конца XII или начала XIII в. Рукопись ГИМ, Син., № 330 (по КСДР).

ЧтБГ к. XI сп. XIV — Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в конце XI в., по списку «Сильвестровского сборника» XIV в. Рукопись РГАДА. Ф. 381, № 53 (по КСДР).

ЧудН XII — Златоструй и отрывок Торжественника XII в. Рукопись ГПБ. Ф. п. I, 46 (по КСДР).

